

Основные типы моделей политики памяти в государствах постсоветского пространства

Научный руководитель – Сытин Андрей Георгиевич

Потоцкий Ярослав Александрович

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра философии политики и права, Москва, Россия

E-mail: istorik.ru01@gmail.com

Одни из ведущих отечественных специалистов в области исторической и символической политики в посткоммунистическую эпоху О.Ю. Малинова и А.И. Миллер определили политику памяти как деятельность государства и других акторов, направленную на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающих их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях – еще и законодательного регулирования [1]. Как отмечает О.Ю. Малинова коллективная память имеет огромное значение в формировании и поддержании национальной идентичности, легитимации политических решений, а также зачастую становится значимым элементом в системе онтологической безопасности политических субъектов [2]. В связи с этим изучение политики памяти в странах, являющихся ближайшими соседями России в рамках ее геополитической сферы влияния, представляется особенно важным и актуальным.

В настоящее время на территории постсоветского пространства располагается семнадцать суверенных государств, пятнадцать из которых являются бывшими союзными республиками. Однако, несмотря на общее историческое прошлое и длительный период пребывания народов постсоветских стран в составе единого государства, после обретения независимости в разных странах данного региона были реализованы разные модели политики памяти.

На основе комплексного сравнительного анализа постсоветской политики памяти, учитывая ее политический, институциональный, культурный, идеологический и социально-психологический аспекты, можно выделить три основных типа моделей политики памяти, характерных для государств постсоветского пространства.

В таких странах, как Украина, Литва, Латвия, Эстония, Молдавия и Грузия была реализована проевропейская модель политики памяти. Для данной модели характерна развитая мемориальная инфраструктура, включающая сеть государственных и неправительственных специализированных организаций, занимающихся закреплением в массовом сознании виктимных нарративов «доктрины оккупации» и антикоммунистической мифологии. К числу подобных организаций можно отнести институты национальной памяти, музеи оккупации, центры исследования геноцида и прочих мнемонических акторов, к функциям которых относится сбор архивных материалов о деятельности советских силовых структур, лицах, репрессированных при коммунистическом режиме, организация экспозиций, посвященных периоду советской «оккупации», проведение научных исследований тоталитарных режимов и т. д. В рамках политики декоммунизации проводится масштабная трансформация мемориального ландшафта, предполагающая переименование улиц и населенных пунктов, названия которых связаны с коммунистическим периодом, зачистка советского мемориального наследия, монументальное увековечивание памяти о жертвах советских репрессий.

Вторым типом постсоветской политики памяти можно считать национально-ориентированную модель, свойственную Азербайджану и странам Центральной Азии. В рамках национально-ориентированной модели так же сохраняются постколониальная политическая мифология и нарративы об имперской/советской «оккупации», однако акцент в публичном мемориальном дискурсе смещается с проевропейских либерально-демократических идеологов, на радикальную виктимизацию и глорификацию национальной истории, зачастую переходящие в шовинистический ресентимент. В данной модели мемориальной культуры советско-ностальгические коммеморативные практики (из которых наиболее значимой является масштабное ежегодное празднование Дня Победы) сочетаются с коммеморациями, посвященными памяти жертв советских репрессий и борцов за национальную независимость.

Наконец, для России, Белоруссии, Армении, Абхазии и Южной Осетии характерна традиционная модель политики памяти, предполагающая лояльное отношение к имперскому и советскому прошлому, а также акцент на тесных дружественных отношениях всех народов, проживавших в пределах единого государства и внесивших свой вклад в решении общих для данных народов задач. В связи с этим традиционная модель политики памяти не предполагает жесткого уклона в сторону национализма и ограничивается сохранением памяти о трагических событиях национальной истории и поддержанием исторически сложившихся национальных традиций и ценностей. Кроме того, в данной модели отсутствует специализированная мемориальная инфраструктура, предназначенная для закрепления в коллективной памяти фреймов виктимной антикоммунистической мифологии.

Таким образом, государства постсоветского пространства реализуют различные стратегии политики памяти, обусловленные особенностями их истории, культурными традициями и современными политическими реалиями. Для республик бывшего СССР характерны разные подходы к конструированию национальной идентичности и осмыслению советского наследия, что находит отражение в мемориальной культуре и политике памяти каждой постсоветской страны. В свою очередь, выделение и сравнительный анализ трех идеальных типов моделей постсоветской политики памяти позволяют раскрыть ее ключевые компоненты и направления реализации, а также учитывать социально-политический, идеологический и культурный контекст выбора той или иной мемориальной стратегии.

Источники и литература

- 1) Малинова О.Ю., Миллер А.И. Символическая политика и политика памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе / под ред. В.В. Лапина и А.И. Миллера. СПб. Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге». 2021. С. 7–37.
- 2) Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.